

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

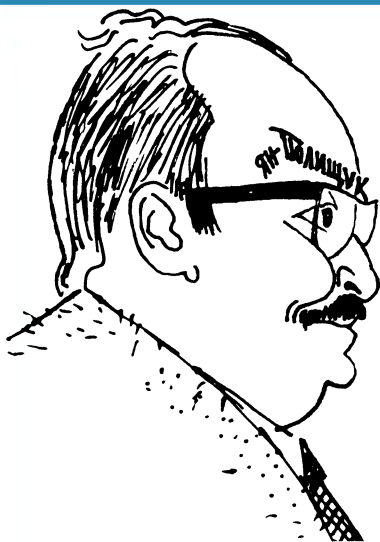
20
(865)

ISSN 0132-2141

ЯН ПОЛИЩУК

МОРСКОЙ НАТЮРМОРТ

Хотя автор в свое время написал роман-фельстон, повесть-памфлет, книги очерков и репортажей и, судя даже по шаржу, полысел от трения о жизнь, он, конечно же, сохранил верность относительно короткой форме сатирического жанра. В этой книжке представлены монологи разных персонажей, с которыми пришлось столкнуться ему на тернистом фельстонном шляхе, и «малая драматургия», прошедшая менее тернистый путь на радио и телевидении.

Впрочем, сохранил он преданность и Бор Привалову, юмористу-лирику, с которым некогда был создан ряд рассказов, окрасивших эту книжку голубыми сентиментальными тонами. Ведь недаром один поэт сказал нечто в этом роде: «Когда мы были молодыми... Фонтаны били голубые »

Дружеский шарж Е. Шукаева.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 20

ЯН ПОЛИЩУК

**МОРСКОЙ
НАТЮРМОРТ**

Рисунки Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1980

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ МОНОЛОГИ
МОРСКОЙ НАТЮРМОРТ
(Монолог жертвы обстоятельств).

...А потом, значит, перешли к третьему вопросу. А третий вопрос — это я. То есть не я, а заявление отделения Худфонда о том, что в нашем учреждении свил себе гнездо носитель чуждой морали Н. П. Марьямов. То есть опять-таки я... Тут мне и говорят: «Встаньте, член профсоюза Н. П. Марьямов, и расскажите местному комитету о своих художествах».

Я, значит, поднимаюсь с места, почесываю в затылке, о котором сослуживцы сплетничают, что он на волосок от лысины, и излагаю:

— До сих пор перед вами стоял бухгалтер материальной части, аккуратно плативший членские взносы. А сейчас перед вами стоит человек, который свил гнездо... Объясняю суть. В прошлом году у нас завязались финансовые отношения с Худфондом. Мы им перекинули с баланса на баланс две тонны творческого холста. Звоню однажды коллеге из Худфонда: «Борис, мол, Савельевич! Наш нечуткий председатель месткома отказал мне в санатории, невзирая на пошатнувшийся организм. Говорит, будто лимиты кончились». Может, и вправду лимиты кончились, но тут и началось мое падение: звонит мне в ответ худфондовский собрат и говорит: «Пакуйте саквояж, Марьямов. Раздобыл вам путевку в Дом творчества. Не дом, можно сказать, а чистый торт «Сюрприз»!»

Прибыл я на место действия: куда ни глянь, одни натюрморты и пейзажи. На аллеях гипсовые купидончики в пионерских галстуках. В беседках за преферансом сидят творческие работники в соломенных шляпках без дна — нимбах по-ихнему. Видать, одни

мастера культуры!.. Отдыхаю день, блаженствую неделю, телосложением начал округляться, вдруг прибегает замдиректора по хозяйственной части: «Сходите на склад, товарищ Марьямов. Возьмите под расписку инвентарь — мольберт, кисти и краски. Комиссия прибывает. По чьей-то клеветнической жалобе проверка будет соответствия. Так вы садьте вон на холмике и пишите морской пейзаж».

Я, откровенно говоря, больше к конто—коррентным книгам приучен. Но не подводить же благодетелей! Смотрю, вся наша колония побросала карты и на берегу уселась. В воздухе только и слышно: «Ах, какие ракурсы! Сплошной Айвазовский!»...

Добралась комиссия и до меня. Один — вроде бильярдного шара в очках. Другой — с пиратской бородищей. А у третьего — палка с набалдашником, будто монумент с острова Пасхи. Видать, лауреаты... Взглянули на мой мольберт, помолчали. Тот, который с острова Пасхи, ткнул палкой: «На что это вы намекаете?» Я пожал плечами: «Натюрморт всякий и опять же пейзажи». Пират поинтересовался: «С итальянской системой знакомы?» Я честно признался: «А как же? И с простой и с двойной. В нашем деле без этого нельзя». Комиссия потопталась немного и ушла. А я решил посмотреть, что настоящие художники натворили. Подошел к одному: море у него на кляксу похоже. Посмотрел у другого: вместо лодки таракан разрисован... Оригинальничают, черт подери! Мало их, видать, критикуют.

В полночь прибегает ко мне замдиректора, за голову держится: «Комиссия велела посторонних из дома выдворить, а о вас как о проповеднике абстракционизма поставить вопрос!» Ну вот, я и отбыл домой досрочно. А вместе со мной почему-то на поезд грузилась половина курортников...

Рассказал я эту художественную историю, и тут начался оживленный обмен дискуссиями. «Сколько у Н. П. Марьямова осталось дней, не охваченных отдыхом?» — говорит один. «Две недели, — отвечает главбух, — ровно половина срока». Я тоже вношу предложение: «Выдайте мне срочно путевку хотя бы в нормальный дом отдыха». Предместкома вмешался: «Я же вам твержу — лимитов же нет». Я говорю: «Надо изыскать. Учтите, наша бухгалтерия наладила отношения с Музфондом. Нотную бумагу там надобно для создания симфоний... А я, извините, никогда к роялю не подходил. Нельзя, товарищи, рисковать». Предместкома согласился: «Нельзя». Ну а как же заявление? Отвечать же надо. Я тут и поставил точку: «Напишите им, мол, приняли меры, дали по рукам, оторвали от среды!..»

ЖИЗНЕННЫЕ ВЕХИ

(Монолог бывалого человека)

Принимали меня в члены ДОСААФ. В соответствии, значит, с распоряжком, подхожу к столу президиума, называюсь: вахтер инструментального цеха Кузьма Иванович Наждак.

«Да вы не робейте, товарищ Наждак,— говорит председатель,— тут все свои. Излагайте биографию, не стесняясь».

«Не стесняюсь? — говорю.— Это мы можем. Так вот, дорогие братья и сестры, жизненный путь у меня извилистый, но всегда к цели устремленный... Родился я пятьдесят шесть годков тому обратно. В Даниловке, на улице Шаболовской. Старые горожане, небось, помнят этот дом. Как раз в первом этаже у нас трактир помещался. Продавали навынос и распивочно. Пельмени были, опять же расстегаи... Учился я, значит, на соседней улице. Напротив чайная располагалась. А к чаю, конечно, штофы подавали. Таковой, знаете, плоский сосуд, не то, что нынешние неудобные бутылки — никак в карман не упрячешь... Работать начал в мастерских скобяных. Кто бывал в тех палестинах на Серпуховке, наверное, примечал — наискосок пивной зал номер три. Всегда, понимаешь, в наличии свежие раки, соленые сухарики — благодать!.. Перешел потом слесарем на заводик. Невзрачный такой на вид, но что удобно — рядом дежурный магазин: хоть в ночь, хоть в полночь, всегда открыт нараспашку... А последние десять лет я привязанный к нашему родимому цеху. Прошел большой путь от мастера до вахтера. Участвую в общественной жизни по линии городков и воскресного отдыха без отказа. Одно плохо — пивные все позакрывались окрест, а ходить до ближайшей пивоточки три четверти часа — все ножки собьешь. Вот и все, можно сказать, мои жизненные вехи».

Тут заговорил председатель, да этак задумчиво: «Содержательная жизнь. Насыщенная биография. Так что, будем обсуждать?»

«Не надо, — вставляет слово секретарь. — И так все ясно, как бутылочное стеклышко. Я думаю, пока воздержимся. Пусть товарищ Наждак пройдет по всем этим улицам снова и расскажет нам в следующий раз, какие культурчреждения возникли на месте трактиров и прочих объектов».

На том и порешили. Обидно, понимаете, до досады. И так до ближайшего объекта едва добираешься, а тут придется топать из стороны в сторону. Да еще всухомятку. Не осилить мне маршрут, не осилить!

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ

(Монолог о верной дружбе)

Вы, конечно, слышали, что в передовом цехе нашего передового предприятия есть передовой фрезеровщик Владимир Ромашов? Бриллиантовая рука, как его называли после известного фильма. Так вот, после того, как он выполнил две нормы, ни одно общественно значимое мероприятие уже не обходилось без него. Да вы сами знаете, как это бывает.

Скажем, детский сад номер четырнадцать перебрался в новое здание — Володю просят маникюрными ножницами взрезать ленточку открытия. По районному радиоузлу транслируют форум молодых специалистов — Ромашов толкает получасовую речь о накопленном опыте... И это было в общем не худо. Худо то, что все эти общественно значимые мероприятия почему-то проводились в разгар рабочего дня.

И вот однажды подоспел экстренный заказ для сибирской стройки. Ромашову, конечно же, поручили одну из ответственных операций. Он, конечно же, переполошился. Сроку с гулькин, как говорится, нос, а тут отвлекают по всяким потусторонним делам. И Ромашов решил отыскать человека, который исполнял бы обязанности, как бы это сказать, ну самого... Ромашова. Не основные, конечно, такого фрезеровщика, как он, только поискать. Исполнять обязанности этот и. о. Ромашова должен был только представительские. Да и то временно.

Тут-то он и обратился ко мне. Работаю я в цехе художником-оформителем. И, между прочим, увлекаюсь художественной самодеятельностью. Иными словами, дикция у меня поставлена не хуже, чем у народных артистов Малого театра. Я сразу смекнул, что от меня требуется, да и сам желал помочь приятелю в ответственный трудовой момент.

И вот тут как раз прибыло с телевидения приглашение — дескать, просим срочно принять участие в передаче «Тысяча мелочей». Причем в такое время, когда Ромашову как раз на смену. Он в панику: «Влипли по самый загривок! Еще бы денюшка два не отрываться от станочка...» «Крепись, — говорю я, — или ты еще телеспецифику не освоил? Сообщи им только — дескать, вырастили еще одного мастера завидной квалификации. Между прочим, крупный знаток Ван-Гоги и Магоги... Увидишь, комар носу на твоём фрезерном не подточит...»

В означенный час в небольшой студии, увешанной контурами маховика и структурной решетки витамина B₁₂, собралось несколько персонажей. Ведущий не стал тратить драгоценного вре-

мени и приступил к допросу представителя рабочей гвардии. То есть меня.

— Расскажите, как вы работаете на фрезерном станке.

— Очень просто,— не теряюсь,— беру, значит, деталь и вставляю в станок.

— Что вы говорите?! — обрадовался ведущий.— Значит, берете деталь и, значит, вставляете в станок? А потом, значит, что?

— Обрабатываю,— пояснил я, задумался вроде и рискованно добавил: — Рассказать?

— В следующий раз,— испуганно сказал ведущий.— А сейчас переберемся на следующую страницу нашего популярного альманаха.

В общем, все прошло, как я и предвидел. Послушали бы вы, как смеялся Ромашов, когда я ему рассказал об этом содержательном разговоре. Отмечу, что с экстренным заданием мой приятель управился эффективно и качественно. За что получил от сибирской общественности благодарность и премию. Конечно, он понимал, что и я тоже достоин поощрения за свою вспомогательную работу... Ну, об этом история умалчивает...

А вот вас, наверное, грызут легкие сомнения. Дескать, не против ли Ромашов вообще участия передовиков в общественно значимых мероприятиях?

— Нет,— говорит мой приятель,— не против я форумов и кворумов. Я всем организмом «за». Но, извините, за деловые форумы и внеурочные кворумы!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Монолог чуткого человека)

К этому дню я готовился весь год. По временам, отрываясь от диссертации, я обдумывал тезисы предстоящей беседы с женой. Мне приходилось слышать, что в такие дни наивные мужья пытаются флакончиком духов «Отелло» оградить себя на год от супружеских конфликтов.

Я поступил куда более целеустремленно.

Утром, едва забрезжило солнце, я разбудил Машу и сказал, что в такой день не следовало бы долго спать. Маша растроганно поблагодарила за заботу и отправилась на кухню варить кофе. Я отправился следом и, стараясь не мешать приготовлению завтрака, начал давно подготовленную беседу.

— Маша! — сказал я значительно.— Маша! Итак, сегодня день твоего рождения. Задумывалась ли ты когда-нибудь над тем, ка-

кое место оно занимает в ряду обычных календарных дат? Нет, не задумывалась. Мне кажется, что ты совершенно не осознаешь его в общественно-историческом аспекте.

— Минуточку,— сказала Маша,— я только покормлю Татьянку и отправлю ее в школу.

— Хорошо, — согласился я, — но не очень задерживайся. Я подсчитал, что жена тратит на сборы дочери слишком много времени, отрывая от нашей беседы драгоценные минуты. Наконец она появилась в моем кабинете.

— Коля,— сказала она,— через несколько минут мне надо идти на службу.

— Если ты не будешь отвлекаться,— сказал я,— я вполне успею изложить предмет. Итак, рассмотрим твой день рождения с исторической точки зрения. Возьмем для начала ранний кайнозой. Что мы видим в эту покрытую тайной эпоху? Мы видим исчезновение динозавров и наступление ледников. Несколько позже мы замечаем появление косматого питекантропа и низколобого неандертальца. Могли ли они оценить роль женщины в сложном процессе очеловечивания обезьяны? Нет, не могли...

— Коля, — сказала жена, — надеюсь, ты не рассердишься, если я побегу на службу? Заверни мне бутерброд, я так и не успела позавтракать.

Я остался один, терзаясь мыслью, что не успел сообщить жене ряд важных сведений. Мне не терпелось ей доказать, что каждая минута этого дня очень дорога, и я позвонил ей на службу.

— Дорогая,— сказал я в трубку...

— Милый,— откликнулась Маша,— я тронута и с нетерпением жду вечера.

— А зачем? — удивился я.— Зачем ждать вечера? Я готов продолжить беседу и сейчас. Итак, если коснуться античности, то она резонно считается колыбелью человеческой культуры. А кого мы обычно видим у колыбели? Разумеется, женщину. А какую? В данном случае, протестующую. Против чего? Против того, что в то время не было принято отмечать дни рождения женщин. Возьмем хотя бы пьесу о Мееде, на которую я давно собираюсь тебя сводить. Типичный всплеск стихийной женской страсти в борьбе за юбилей!..

— Прости, пожалуйста,— сказала жена,— но меня уже зовут. Прощу тебя, купи к чаю торт. Я пригласила в гости Костиловских.

Я был обескуражен. При чем тут Костиловские и какой-то торт? Я немедленно позвонил им по телефону и сказал, что вечером нас не будет. Кажется, они обрадовались моему сообщению.

После ужина, приготовленного умелой рукой Маши, я выключил

чил телевизор, по которому передавали какой-то неуместный концерт, и решил продолжить беседу.

— Мне хотелось бы еще напомнить, — сказал я, — о положении женщин в эпоху раннего средневековья. Многочисленные хроники свидетельствуют о том, что женщина не могла отмечать день своего рождения, так как испытывала тройной гнет: семейный, социальный и религиозный. Итак, что такое семейный гнет?

— Кажется, я представляю, — сказала Маша.

— Тем лучше, тогда перейдем к гнету социальному...

— Может быть, перенесем беседу на завтра? — вздохнув, сказала жена. — Что-то я немного устала.

— Завтра уже не будет дня твоего рождения, — возразил я, — и наш разговор утратит свою актуальность.

— Боже мой, — сказала Маша, — как ты мудр!..

Тут я понял, что достиг цели. Напрасно все эти парфюмерные задабриватели ищут у жен дешевой популярности. Многого ли они добьются?.. Нет, отметить мудрость мужа способна только женщина, глубоко осознавшая место своего дня рождения в общественно-историческом аспекте.

Я был почти удовлетворен. Жаль лишь, что Маше не удалось дослушать беседу до конца: она уснула... С сознанием исполненного долга я вернулся к своей диссертации. Перед самым отходом ко сну я обнаружил в серванте коробку шоколадных конфет, очевидно, подаренных жене сослуживцами.

Я съел конфеты одну за другой.

СЕГОДНЯ МЫ ЧЕСТВУЕМ...

(Заздравные монологи)

...Сегодня мы чествуем нашего дорогого и уважаемого коллегу, учителя и товарища Воскобойникова. Что я могу добавить к тому, что уже было сказано? Многого могу добавить к тому, что сказано... Десять лет я работаю под чутким, бдительным руководством виновника сегодняшнего торжества. Начал я скромно: третьим лаборантом четвертой лаборатории. Потом стал вторым ассистентом в третьей лаборатории. Затем — первым заместителем помощника директора по хозяйству. Но я и на этом не остановился, мой научный рост продолжался. Меня утвердили младшим сотрудником, потом — средним... Простите, средним я никогда не был, из младших я сделался старшим научным сотрудником. Но и на этом я не затормозился. И вот в результате — я кандидат наук. Книга моя, итог, так сказать, трудов и мыслей, издана различными тиражами в различных местах. Идеи мои вызвали беспокойство в среде представителей науки и даже тех-

ники. Я получил премию журнала «Юный техник» и поощрительный приз ежемесячника «Веселые картинки». Мои планы на ближайшую пятилетку таковы. Прежде всего... Что прежде всего? Ах, да! Сегодня мы чествуем нашего дорогого, уважаемого товарища Воскобойникова. Ура, товарищи!

...Сегодня мы отмечаем юбилей творческого деятеля, члена Союза писателей, члена группкома литераторов, прозаика и беллетриста, председателя комиссии по дошкольной литературе, заместителя председателя бюро детской секции, члена редколлегии журнала «Юный оптимист», автора шести воспитательно-познавательных книг для октябрят Николая Николаевича Тьмутараканского. Жизненный путь творческого деятеля, члена Союза писателей, члена группкома литераторов, прозаика и беллетриста, председателя комиссии по дошкольной литературе, заместителя председателя бюро детской секции, члена редколлегии журнала «Юный оптимист», автора шести воспитательно-познавательных книг для октябрят Николая Николаевича Тьмутараканского поучителен. Творческий деятель, член Союза писателей, член группкома литераторов, прозаик и беллетрист, председатель комиссии по дошкольной литературе, заместитель председателя бюро детской секции, член редколлегии журнала «Юный оптимист», автор шести воспитательно-познавательных книг для октябрят Николай Николаевич Тьмутараканский трудится на общественной ниве. Таким образом, творческий деятель, член Союза писателей, член группкома литераторов, прозаик и беллетрист, председатель комиссии...

ПЕНКОСНИМАТЕЛИ

(Монолог о людях, умеющих устроиваться)

Согласно древним восточным обычаям, когда младенцу исполнился год, его усаживали на мохнатый ковер, а вокруг располагали три символических предмета: коран, домру и кошелек. Ежели потянется дитя к корану — быть ему хитроумным муллой, схватит домру — станет придворным музыкантом, уцепится за кошелек — будет он оборотистым менялой на базарном майдане...

В наше время это таинство выбора профессии выглядело бы примерно так. Потянулся к книге — быть аспирантом, тронул струны инструмента — впереди маячит консерватория, ухватился за кошелек — станет со временем работником торгова...

Нет, нет, мне бы не хотелось бросать даже призрачную тень на такую почетную профессию, как деятель торговли. Но с точки зрения иных наших сограждан, нет дела доходней и прелестней, чем купля и продажа. Вот недавно мне опять сообщили, что не-

которые молодые люди двинулись работать не агрономами или учителями. Они оказались в неожиданном качестве продавцов горячих белашей или студеного фруктового сока.

Но оставим эту избитую область. Вот один мой знакомый инженер променял недавно интересную, живую работу на нудную службу. Он ушел из коллектива, где его ценили и по праздникам объявляли благодарности в приказах. Он ушел с предприятия в учреждение, где надо было перебирать скучные бумажки, но где за это больше платили.

У знакомого есть жена. Она трогательно его любит и заботится о его будущем. Она точно знает, как надо жить на свете, с кем водиться и сколько зарабатывать. Есть такие дамы, авторитетные знатоки житейского счастья.

— Вася твой ровесник,— говорит она кошачьим голосом,— а он уже зав. Ну и что ж, что он был хорошим конструктором, а стал посредственным служащим? Зато его Маша ездит на курорт два раза в год! Ах, зачем, зачем я вышла за тебя?!

Это не глупая мещанка из тех, кого с успехом изображает Мария Миронова. Это—существо с запросами, библиотекой под цвет обоев и обоями под цвет глаз. И она заставляет своего горячо любимого супруга забыть, что такое радость творчества, и срочно мобилизоваться на покупку выставочного сервиса.

Не так давно мне поведали историю об одном человеке, который ухитрился снимать пенки даже в самых возвышенных ситуациях. Дело было в одном учреждении. Когда здесь объявили, что надо помочь отстающему колхозу, первым вызвался ехать в недалекую глубинку некто Сердешников, сотрудник отдела сбыта.

— Раз надо, так надо! — объявил он.— Поеду и укреплю!

Провожали его с помпой. Гремел оркестр народных инструментов. Глава учреждения произнес такую прочувствованную речь, что три дня после этого не мог работать...

А через три месяца Сердешников вернулся. Ходил по кабинетам в запыленном плаще, сослуживцам охотно рассказывал:

— Раз надо, так надо! Приехал и сразу поднял общественное хозяйство на уровень!

Начальство ознакомилось с характеристиками. Все было в ажуре: «Старался... пытался... расхворался...» Решили повысить его по службе. И стал Сердешников старшим сотрудником. Пообвык немного и выразил желание:

— Вот тут, я читал, специалисты нужны в сельхозуправления. Мне бы желательно откликнуться, как имеющему опыт.

Провожали старшего сотрудника с цветами. На перроне говорили зажигательные речи о скромных героях. А через некоторое время Сердешников объявился вновь. Ходил по комнатам, показывая похвальные грамоты. Дивясь про себя, почему это отпусти-

ли такой ценный кадр, сослуживцы тем не менее одобрительно цокали.

Приступил Сердешников к работе уже в новом качестве — заведующим отделом. Миновало время, и стал он приходить на службу задумчивым. Однажды не выдержал, признался приятелю:

— На какой бы еще призыв отреагировать, а? Уж больно мне хочется стать заместителем управляющего...

Вот они, какие бывают пенкосниматели!

МАЛАЯ ДРАМАТУРГИЯ МНОГОСКОКИ

Порог редактора спортивного органа пересекает робкий автор. Он юн и свеж. Редактор снисходительно оглядывает пришельца. РЕДАКТОР. Ну-с, чем порадуете читательские массы?

АВТОР. Видите ли, порадовать я еще пока не сумею. Но могу предложить небольшой очерк. Изложить?

РЕДАКТОР. Излагайте. Но пунктирно.

АВТОР. Значит, так. В колхозное село под Запорожьем приезжают два брата, Остап и Андрей. Окончив спортивную школу, они пожелали работать в родных местах. Отец, старый физкультурник - общественник Тарас, встречает молодцов скептически. Оглядев их модные костюмы, он бурчит в сивые усы: «А повортись-ка, сын! Экой ты смешной какой!» Наконец, желая испытать техническую подготовленность Остапа к районной спартакиаде, предлагает тут же, не отходя от хаты, принять участие в семейном матче по боксу.

РЕДАКТОР. Ситуация актуальная.

АВТОР. Я бы сказал, классическая! Вот для вящей убедительности я предложил бы вставить в очерк живописную цитату: «Посмотрю я, что за человек ты в кулаке!» И отец с сыном вместо приветствия после давней отлучки начали садить друг другу и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая...»

РЕДАКТОР. Нет, это явно не классика. Методики не хватает. Научности маловато. Впрочем, оставьте. Мы доведем ваши потуги до нужной кондиции.

Тот же кабинет спустя некоторое время. Редактор листает газетные подшивки. В смятиении срывается юный автор.

АВТОР. «Я оставлял у вас очерк, а вы его напечатали под рубрикой «Советы тренера»...

РЕДАКТОР. Ну и что ж, что напечатали? Все в соответствии...

АВТОР. И это тоже в соответствии? Вы только вдумайтесь в рекомендованную мною цитату: «Посмотрю я, как ты освоил методические навыки!» И заняв толчковой ногой по отношению к земле минимальный угол наклона, отец с сыном Остапом приступили к упражнениям, направленным на тренировку зрительного анализатора и вестибулярного аппарата, то отступая с многоскоками, то вновь наступая...»

РЕДАКТОР. Ну и что? Все в соответствии...

АВТОР. Толчковая нога! Да это же может вызвать волнение в медицинских кругах. Ведь у меня же было все так эмоционально!

РЕДАКТОР. Нас не интересуют безответственные эмоции. Наши установки железны. Педагогично. Методично. Терминологично.

АВТОР. А вдруг не дойдет, что такое зрительный анализатор?

РЕДАКТОР. Раз десять дадим — и дойдет. Это же так просто — анализатор... Это же... Одну минуту, куда это запропастился мой словарь? Ага. «Ананасы... Антенна... Анализатор...» Вот: «...орган чувств у животных и человека, воспринимающий изменения положения в пространстве...» Уф!

АВТОР. Спасибо. А многоскоки?

РЕДАКТОР. Что?

АВТОР. Многоскоки, говорю!

РЕДАКТОР. Да, тут мы немного перетерминологили. Впрочем, многоскоки — это, наверное, много скоков. Прыг-скок, прыг-скок... По-моему, абсолютно ясно.

АВТОР. А знаете, на кого вы руку подняли? Это же была цитата из Гоголя.

РЕДАКТОР. Из кого?

АВТОР. Из Гоголя. Николая Васильевича. Я же вас предуп-

реждал. Для художественной рельефности я ввел цитату из великого классика.

РЕДАКТОР. Ах, юноша, юноша! То ли нам по плечу? И потом, чего вы кипятитесь? Гоголь, он для кого сочинял? Для узкого круга обитателей Миргорода. Ну там в Диканьке его почитывали... А мы просвещаем широкие спортивные массы! Нет, голубчик, пока не освоите наш профиль, нам с вами не играть в одной команде. Адью!

Юный автор отступает к двери. Навстречу ему в кабинет врывается бравый человек с кучей позванивающих медалей на спортивной фуфайке.

БРАВЫЙ. Вот, читайте, завидуйте: приволок шедеврики!

РЕДАКТОР (зачарованно оглядев прищельца, мгновенно пробегает рукопись). Вот это в разрезе! Вот это соответствует! Ах, как это у вас проникновенно сказано: «Важно, чтобы качество бросков тесно переплеталось с их количеством... Впереди должна находиться нога, разноименная с наиболее развитой рукой...» Методологично! Доступно! Терминологично! Вы блистательно освоили наш профиль!

БРАВЫЙ. Согласно указаниям.

РЕДАКТОР. Немедленно в набор! Это вам не Гоголь какой-нибудь. Не Николай, опять же, Васильевич...

Бравый удовлетворенно улыбается. Юный автор уходит, смеясь нервным смехом.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В комнате Он и Она. Он в некотором беспокойстве. Она, томно раскинувшись на кушетке, прислушивается к разговору, который Он затевает по телефону.

ОН. Это драмтеатр? Илариона Григорьевича. Кто говорит? Я говорю. Хорошо, я подожду.

ОНА. Колечка, не забудь напомнить Ларику, что в следующий понедельник мы у них в гостях. И передай поцелуй Коте.

ОН. Лизочка, дорогая, отвяжись. У нас сугубо профессиональный разговор, назревают крупные неприятности, а ты лезешь с поцелуями.

ОНА. А что случилось? Опять кто-нибудь из наших племянников что-нибудь натворил?

ОН. Гораздо хуже. Как бы после сегодняшней статьи в газете не началась борьба с семейственностью.

ОНА. Но тебя же это не коснется. Какая у тебя семейственность? Несколько сверхдалних родственников! Вот если бы ты меня взял на первое положение, а Бобочку оформил главным администратором, как просила тетя Маша, вот тогда бы...

ОН. У меня в театре и так норма по родственникам перевыполнена. А сейчас знаешь как за это возьмутся.

ОНА. Подумаешь. Сегодня возьмутся, завтра все утихнет... А родственники останутся родственниками.

ОН. Но останусь ли я на месте, вот в чем вопрос! По этому поводу я и звоню Илариону. Он что-нибудь придумает — алмазная голова!.. Да, да... Это ты, Иларион? Привет, конечно, пламенный! Надо посоветоваться. По телефону, правда, не очень сподручно, но дело больно срочное. Вот-вот, оно самое. И у меня тоже аппетит пропал. Так какие же планы? Как? Всех выгнать?! Не теряй сознания во время делового разговора. Это я не тебе, тут Лиза моя грохнулась в обморок. Ничего, ничего, лежит на кушетке и следит за мной одним глазом. Недаром у них в училище преподавал обмороки сам Лама-Пещерский... Хорошо, передам... Так, значит, ты уже уволил кузенов-братьев и тетю? Ах, вот как! Просто и смело, как все гениальное!.. Завтра же выгоню всех своих. И Володыку-администратора, и Петю, и эту, как ее, тетю Клаву из бутафории. Сейчас дам команду — пусть пишут заявления по собственному желанию. Спасибо за науку, будь здоров и славен! Хороших сборов. Да, Лизочка уже отыграла обморок и хочет напомнить, что в понедельник мы к вам нагрянем.

Обращается к супруге, в тревоге следящей за разговором.

ОН. Уф! Кажется, мы спасены...

ОНА. Спасены?! Ценой родственной крови! Нет, ты просто какой-то Макбет из Мценского района! Вы оба сошли с ума. Уволить Вовочку, Петю...

ОН. И всех родичей тети Маши...

ОНА. Не забывай, ее родичи — наши родичи. О, что только будет с тетей Машей, когда она узнает, что ты уволил Вовочку! Ему же надо срочно достраивать дачу. На него уже и так показывают пальцами: все Симкины имеют гнездышко, а он гол как сокол. Тетя Маша была права, когда предупреждала меня: лучше ехать на дальнюю периферию, чем выходить замуж за трусливого директора театра.

ОН. Успокойся, Лизок, я все объясню. Значит, так. Иларион выгоняет из своей драмы своих родственников, а я из моей — своих и твоих. Тише, не рыдай так показательно... Твои и мои родственники идут в театр к Илариону и поступают на места его родственников. Ясно? Оба зайца убиты: никаких признаков семейственности, и все родственники целы.

ОНА. Пупсик! Я тебя люблю, как сорок тысяч братьев!

ВВЕРХ — ВНИЗ...

Площадка около лифта. На дверце написано «9 эт.». Пол застелен дорогим ковром. Ожидают лифт молоденькая буфетчица в белом халатике и озирающийся вокруг человек, видимо, посторонний для учреждения. Подходит сутуловатый дебелий мужчина. Приветствует буфетчицу.

ДЕБЕЛЫЙ. А! Тоже вниз? В свою родную атмосферу? Ха-ха... Низовому работнику долго в верхних сферах нельзя — организм не приспособлен. Ха-ха...

БУФЕТЧИЦА. У меня организм не приспособлен целый день «Боржоми» таскать вверх-вниз... И куда его столько уходит? Боржомипровод бы надо по всему зданию провести. Вот и сейчас на седьмом и четвертом меня уже ящики ждут.

Посторонний мужчина выражает готовность помочь буфетчице. Буфетчица кокетливо отвергает помощь.

БУФЕТЧИЦА. Ну что вы, спасибо! Ведь лифт работает.

ДЕБЕЛЫЙ. И хорошо работает, заметьте! На должной высоте, ха-ха, работает. А вот грузовой подъемник того, проявляет постоянство характера — стоит постоянно, ха-ха!

Открывается дверца подошедшего лифта, на площадку выходит гражданин с папкой под мышкой. Дебелый мужчина сгибается в поклоне, словно вопросительный знак. Буфетчица приветливо говорит.

БУФЕТЧИЦА. Здравствуйте, Никодим Иванович! Я вам сегодня минеральной побольше оставила.

НИКОДИМ ИВАНОВИЧ. Спасибо, Ниночка, за заботу.

Никодим Иванович уходит. Буфетчица поясняет постороннему.

БУФЕТЧИЦА. Это первый зам, Никодим Иванович.

ДЕБЕЛЫЙ. Вы, милая, великий человек! Утоляете жажду, ха-ха, таких личностей... Прошу вас, проходите вперед!

Так как дебелый не обнаруживает желания помочь буфетчице, посторонний вместе с ней быстро вносит ящики в лифт. Дверцы захлопнулись, спуск начался.

БУФЕТЧИЦА. С пищевым делом у нас кавардак. Приходит служащий питаться, спрашивает, к примеру, сосиски. А что ему предлагают?

ДЕБЕЛЫЙ. Сардельки! Ха-ха!

БУФЕТЧИЦА. Нет, сосиски. Но без гарнира и горчицы. А от одинокой сосиски может и аппетит пропасть.

ДЕБЕЛЫЙ. Молодец, Ниночка! Сигнализируешь правильно. Есть неполадки на закусочном фронте. И вас за бдительность надо на руках таскать.

На щитке лифта обозначилась цифра «7». Лифт останавливается. В открывшиеся дверцы чьи-то руки подали два ящика. Буфетчице помогает посторонний. Дебелый даже не отреагировал. Но пытается острить.

ДЕБЕЛЫЙ. Это хорошо, когда низовые работники беспокоятся о своих участках работы.

На щитке мелькнула цифра «6». Дебелый как-то распрямляется и продолжает комментировать события.

ДЕБЕЛЫЙ. А вообще тут надо разобраться. Ну, приходит сот-

рудник. Просит есть. Пожалуйста, ешь. Так нет, он проявляет недовольство. Горчицы, видите ли, ему хочется, деликатесы ему подавай. Ишь ты какой лендлорд нашелся...

БУФЕТЧИЦА. Почему сразу лорд? Имеет право человек на вкусную и здоровую пищу? Или нет?

ДЕБЕЛЫЙ. Смотря какой человек! А вообще пора изживать потребительские настроения. Мы в какую эпоху живем? В эпоху, понимаешь, эн-те-эр, а тут приходит тип и требует горчицу!

ПОСТОРОННИЙ. И правда, какие эгоистические наклонности в период строительства атомных электростанций!

ДЕБЕЛЫЙ. Вы, я вижу, не здешний. Не совали вы бы, гражданин, нос в наши внутренние дела. Вы из какого треста?

БУФЕТЧИЦА. Может, им целую анкету заполнять?

Лифт останавливается на этаже с отметкой «5». Площадка у лифта. Чахлые половички. Посторонний быстро помогает буфетчице принять еще два пустых ящика. Дебелый, стесненный ящиками, недоволен.

ДЕБЕЛЫЙ. Надо бы ездить на грузовом подъемнике. А то спускаются тут всякие с утильсырьем.

БУФЕТЧИЦА. Это кто же — всякие? Это́ я же — всякие? Это что же — утиль? Это порожние бутылки — утиль?!

Дебелый и оком не повел. Глаза блестят холодно, как шарикоподшипники. Дебелый раздулся и выпрямился, став похожим на жирный восклицательный знак. На третьем этаже лифт остановился, буфетчица передает ящики своей коллеге. Посторонний помогает.

ПОСТОРОННИЙ. Разрешите?

ДЕБЕЛЫЙ. Разрешаю. Путаются тут под ногами. Все учишь вас, учишь, а толку ноль целых пятнадцать сотых...

Отметка второго этажа. Лифт останавливается. Дебелый выходит, отпихнув плечом буфетчицу.

ПОСТОРОННИЙ. Кто это?

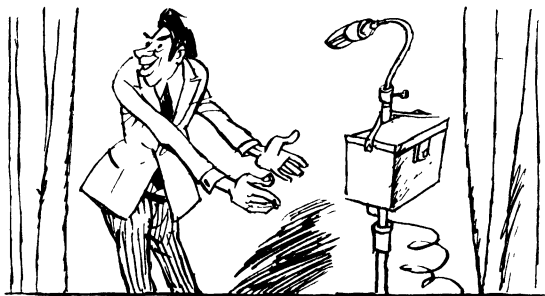
БУФЕТЧИЦА. Это товарищ Чуриков. На неделе мы раза три ездим с ним вверх-вниз... Совпадения служебной жизни. Если ехать с ним вверх, все бывает наоборот: он постепенно в нормального человека превращается. И на девятом этаже, вы видели, все в порядке.

ПОСТОРОННИЙ. Но почему?

БУФЕТЧИЦА. Да ведь здесь, на втором, он начальник, главная фигура. А на девятом он пыжится не может, не перед кем. Да и Никодим Иванович человек простой. Зато здесь Чуриков душу отводит.

Удаляющийся Чуриков. Расталкивая встречных, он следует к кабинету, на котором укреплена табличка «Начальник сторожевой охраны».

ГОЛУБЫЕ РАССКАЗЫ БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ!

— Не уверен я, Гриша, что что-нибудь получится, не уверен.— Директор, вздохнув, участливо посмотрел на сидящего перед ним инженера Григория Стогова.— Тут, понимаешь, праздник, досрочное выполнение годового плана, а ты — вечер самодеятельности. Как-то, я извиняюсь, неудобно угощать наш передовой коллектив изделиями, так сказать, домашней кухни.

— Вы что же, против народных талантов?— провокационно сказал Стогов.— Против самородков?!

— Я всем организмом «за»,— усмехнулся директор,—сам знаешь, всегда готов поддержать. Но в новогодний вечер ждут всегда чего-то особого. Скажем, концерта мастеров искусств. И вдруг вместо них опять токарь Галя Савченко или там бухгалтер Халаткин.

— Давайте так,— компромиссно воскликнул Стогов,— проведем смешанный концерт. Номер — мастера эстрады, номер — наш... Мы-то уж, во всяком случае, в грязь физиономией не ударим. Будьте уверены!

— Ох, Гриша,— директор вздохнул, наверное, уже в сотый раз за последние полчаса,— ох, энтузиаст. Не одюжите вы артистов, тебе же хуже будет. Эх, да ладно, смешанный так смешанный...

Нельзя сказать, что это обстоятельство очень ободрило заводских любителей.

— Значит, я должна буду петь после самой Тамары Ворониной? — дрожащим сопрано спросила Галочка Кравченко.

— А я танцевать после Верзинской? — затрепетав от страха, встала ей лучшая балерина клуба Феня Гурова.

— И сам Дровяников услышит, как я читаю рассказы? — ужаснулся Ваня Халаткин, прораб юмористической декламации, как его прозвали члены кружка художественного слова.

— Только спокойствие, как говорит известный вам Карлсон, только спокойствие! — невозмутимо произнес Стогов. — Ведь я тоже буду вести концерт параллельно с Друковым... Что бы там ни было, но концерт принесет нам огромную пользу. Как в спорте, всегда приятно соревноваться с сильным партнером, не правда ли? И пожалуйста, будьте в себе уверены.

Но легко сказать «будьте уверены» и быть действительно уверенным, когда на тебя устремлены сотни глаз, когда свет софитов заливает сцену, а знаменитые артисты прислушиваются к каждой твоей интонации.

И все же он начался, этот необычный концерт. Галя Савченко, как только вышла на сцену, сразу же забыла обо всем, кроме того, что она токарь седьмого разряда. Даже услышав аплодисменты — а Галино сопрано давно пришлось по душе заводским ценителям песни, — девушка мало прибодрилась и кое-как завершила выступление. Стогов начал понимать, что в присутствии мастеров искусств боевой дух его коллег по клубу весьма заметно сник. Надо было что-то предпринять.

Он так усиленно мыслил, ища средство, которое вдохнуло бы в ребят уверенность, что не заметил, как задел ногой стоящий за кулисами запасной микрофон.

— Нашел! — пробормотал он голосом Архимеда. — Как я раньше не сообразил?

После того, как заслуженные артисты станцевали адажио из какого-то балета, популярный конференсье Друков торжественно объявил:

— А сейчас, дорогие товарищи, я уступаю сцену моему коллеге и вашему товарищу Григорию Стогову. — И учтиво зааплодировал первым.

Гриша появился на сцене с микрофоном в руках. Какие-то шнуры и шланги тянулись за радиостативом. Обращало внимание то, что рядом с сетчатой коробочкой микрофона был прикреплен небольшой ящичек.

— Товарищи! — объявил Стогов. — Перед нами прибор, который называется талантомером. Это опытный экземпляр, сконструированный группой молодых инженеров. Назначение — безошибочно определять степень талантливости.

Зал удивленно загудел.

— Чему, собственно, вы удивляетесь? — поднял руку Стогов. — В наш век кибернетики машины обыгрывают гроссмейстеров... Про наш талантомер еще мало известно, потому что он

еще не запатентован. Но, будьте уверены, скоро и его признают... Итак, продолжаем нашу программу. Выступает Иван Халаткин. Он прочтет... Впрочем, он сам сообщит вам о своей программе. Я же могу добавить: после включения талантомера все могут себя чувствовать спокойно, как говорит известный вам Карлсон. Волнуйся не волнуйся, а талантомер не обманешь, он точно покажет, на что ты способен!

С этого момента участников самодеятельности словно подменили: волноваться бесполезно — прибор все равно свое слово скажет. Будь что будет. Ну, нет таланта, что за беда в конце концов. Ведь мы же не профессионалы, утешали себя ребята.

Но, как это ни странно, неожиданно заволновались те профессионалы, которые еще не успели выступить. Какой-то в этом деле произошел психологический сдвиг. Даже многоопытный Друков, посмеиваясь над волнением своих товарищей, уловив момент, прощентал на ухо Стогову:

— Немного, знаете, и у меня мурашки по телу забегали. А ведь меня, бывало, проверяли сто раз: на актуальность репертуара, на дикцию, даже на анкетные данные... Скажите, а этот аппарат работает безошибочно?

А исполнительница цыганских романсов потребовала ее данные не измерять.

— Все знают, что я и так талантлива! Но как только взгляну на это чудище, голос пропадает...

Между тем после каждого номера Стогов подходил к прибору, заглядывал в ящичек и обстоятельно записывал что-то в блокнотик.

— Когда обнарудуете результаты? — не выдержал кто-то в зале.

— После последнего номера обнарудуем, — не смущаясь, отвечал Стогов. — Ни одной цифры от широких масс не скроем, как не хотим в данный момент скрывать от вас молодое дарование — Феню Гурову. Итак, «Умиравший лебедь», композитор Сен-Санс.

К этому времени хозяева клуба приободрились окончательно. И чем увереннее выступали участники самодеятельности, тем лучше принимали их зрители. А чем больше звучало аплодисментов, тем надежнее чувствовали себя исполнители. Диалектика, ничего не поделаешь! Даже профессионалы дивились тем успехам, которых достигли кружковцы.

— Ваши артисты — хоть на гастроли их вези! — шепнул директору Друкову, закончив конференс. — Ресурсы талантов!

И хотя директору показалось, что Друков хотел ему на всякий случай польстить, согласно кивнул головой.

— Стараемся. Выращиваем. Берем новые рубежи. Кстати, о

талантах. Кажется, сейчас Гриша будет зачитывать показания прибора. Идемте на сцену.

У Стогова был вид загадочный и чопорный. Он церемонно отмотал от микрофона свой ящичек, заглянул в него и вдруг разочарованно развел руками.

— Между нами, зрителями, говоря,— сказал он,— талантомера не существует. Увы, его еще пока не изобрели.

Зал негодуяще зашумел.

— Спокойствие, только спокойствие, как говорит известный вам Карлсон.— Голос Стогова перекрыл шум в зале.— Но тем не менее приспособления, заменяющие талантомер, честно работали весь концерт. Их показания весьма любопытны. Один регистрировал продолжительность аплодисментов — это обычный секундомер. Другой — их мощь и силу, — взгляните, это маленький сейсмограф. И вот, оказывается, на долю Халаткина достались наибольшие оvation по времени и мощи. Ему чуть уступает наш уважаемый гость Борис Друков. Но я отношу это за счет симпатий, которые вы, естественно, питаете к своим. Но главное — и вы, надеюсь, это поняли все — то, что наши ребята обрели уверенность. А то, что они талантливы, — время покажет. Так я говорю?

— Так! — эхом откликнулись и зал и участники концерта, заполнившие сцену. А среди них выделялся голос завязатого скептика — директора.

Когда приглашенные артисты расходились после легкого чаепития с тортами, исполнительница цыганских романсов не выдержала:

— А все-таки, товарищ Стогов, сколько пришлось на мой голос аплодисментов?

— Достаточно,— вместо Стогова отвечал его коллега Друков и мечтательно добавил: — Эх, хорошо бы провести такой экспериментик у нас на эстраде...

РАЗВЕРНУТАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Кандидатов на вакантное место было трое. Директор пушного заповедника «Лиса и бобер» изложил свои требования четко и безапелляционно:

— Нам нужен человек, способный к самостоятельной научной работе и хорошо зарекомендовавший себя в животном мире!

Бегло проглядев короткие автобиографии двух кандидатов, директор сказал:

— Не подходят. Один из них практик, но у него недостаточ-

ное специальное образование. Другой, правда, научный работник, но никогда не нюхал практических просторов. Он же бегемота от бобра не отличит! Нет, мы обязаны быть максимально требовательными к подбору кадров.

Третья автобиография отличалась от предыдущих своей обширностью.

— Ого! — вскричал директор. — Сразу видно, что человеку есть о чем рассказать. Начнем, пожалуй!

И он погрузился в чтение.

«...Я родился в заповеднике, — сообщал третий кандидат, — в семье лесничего. Ко времени моего поступления в школу отец был переведен на должность начальника экспедиции зооцентра. Дядя, брат матери, мастер спорта, считается лучшим охотником района. Мама числилась научным сотрудником зоомузея, а старшая сестра окончила десятилетку с золотой медалью. Когда я перешел в восьмой класс, мой отец стал ответственным сотрудником «Заготпушнины». Четыре года я находился в положении сына ответственного сотрудника, а потом отца перевели на еще более ответственную должность в той же системе. Мать к этому времени защитила кандидатскую диссертацию, сестра окончила университет, а дядя, мастер спорта, стал чемпионом республики в стендовой стрельбе. Десятилетку я окончил экстерном, моим репетитором был доктор наук И. И. Иванов-Иванский, который является моим двоюродным дядей со стороны отца. Что касается остальных родственников, то из них особенного внимания заслуживают муж моей старшей сестры, заместитель председателя нашего исполкома тов. Кудеяров М. Н., и брат моей жены — заслуженный деятель искусств Снежкин В. В. В настоящее время я являюсь сыном начальника управления, с одной стороны, и руководителем научно-исследовательского сектора — с другой. Справка об оспoprививании, а также фотографии родителей прилагаю...»

— Отличная кандидатура! — обрадовался директор заповедника. — Так и надо писать автобиографии — развернуто, со всеми подробностями. И никаких недоразумений не будет...

Набрав номер телефона, глава заповедника лыстивым голосом доложил:

— Юлия Ивановна? Шеф у себя? Ах, он занят. Ну тогда передайте, что звонили из «Лисы и бобра». Скажите, что сын его принят на работу. С такими природными данными он у нас быстро защитится...

МНИТИК

Жил у нас в доме один гражданин с повышенной чувствительностью — Сергей Никитич, скажем так. За всю свою обильную

практику не выдывал я пациента более беспокойного. Недаром его все за глаза называли «мнитиком». На его настроениях сказывалось абсолютно все — атмосферные осадки и сквозняк на эскалаторе метро, аромат духов и легкий толчок, полученный в трамвайной сутолоке... Какая-нибудь девушка распоеется по соседству: «Я вся горю, не пойму отчего...» — Сергей Никитич приходил в ужас.

— Вот, доктор, слышите, — лепетал он. — Вся горит и, таким образом, представляет опасность для окружающих. Может, мне немедленно перейти на постельный режим?

И он мчался в аптеку, а оттуда прямым ходом в свою комнату, где залезал под любимое пуховое одеяло.

Со временем мнитик начал бояться встреч со знакомыми.

— А вдруг, дорогой мой, вы открытый бациллоноситель, — объяснял он странности своего поведения, — да еще злостный. Как вас отличить от незлостного?

Я знал, что если мнительности дать волю, то она может погубить человека. Да, да, кроме шуток! Ведь нынче медицина доказала, что самовнушением можно увеличивать и уменьшать число сокращений, или, как говорится, ударов сердца. Заболевание Сергея Никитича тем временем перешло в следующую стадию: перестав общаться с друзьями, он завел себе единственного спутника и советчика — термометр.

Для термометра был даже сконструирован на подкладке пиджака специальный брезентовый кармашек. Каждые двадцать минут мнитик измерял себе температуру. Когда термометр показывал 36,7, мнитик уже пугался.

— Тридцать шесть и семь — это почти тридцать семь. А где тридцать семь, там и до тридцати восьми рукой подать... А тридцать восемь!.. — И Сергей Никитич, бледнея от ужаса, глотал порошки, ставил компрессы и звонил по телефону близким, прощался с ними.

Однажды Сергей Никитич чуть не отдал богу душу. Случилось это в тот памятный вечер, когда термометр показал сорок один градус!

Пригласили меня. И тут я заметил одну интересную деталь. Сергей Никитич, как вы помните, носил градусник в специальном кармашке на подкладке пиджака. А пиджак висел на спинке стула в непосредственной близости от кипящего электрического чайника.

Я начал с того, что заявил: единственный путь к спасению заключается в приеме изобретенного мною лекарства. Я достал из саквояжа порошок, мнитик его послушно проглотил и минут через десять погрузился в благотворный сон.

— Когда пациент проснется, — сказал я собравшимся у ложа членам семьи, — позовите меня. А термометр я возьму с собой.

Необходимо проверить его работу с точностью до сотых долей градуса.

За мной прибыли часа через четыре.

— Проснулся,— залпом отрапортовал сын Сергея Никитича.— Завещание хочет писать! Термометр требует.

Я захватил злополучный градусник и пошел к мнитику. Я сказал, что изобретенный мною порошок уже оказал свое действие и сейчас мы будем присутствовать при торжестве медицины.

Так оно и случилось. Температура оказалась нормальной — 36,6. В семье началось ликование. Сергей Никитич принял вертикальное положение и проводил меня до дверей.

С того дня мнитика словно подменили. Руководимый градусником, он бодро зашагал по жизни, не страшась чиханий в соседних комнатах. Друзья стали подпускаться на расстояние рукопожатия. Правда, при особо моральных потрясениях вроде давки в метро Сергей Никитич, как и прежде, мчался домой, залезал под одеяло и ставил под мышку градусник. Но тот неизменно показывал нормальную температуру.

Месяца через три меня пригласили на торжественный вечер к Сергею Никитичу. Хозяин дома, в легкой рубашке, храбро прогуливался перед распахнутыми настежь окнами. Комнаты были полны гостей.

— Товарищи! — завидев меня, провозгласил Сергей Никитич.— Вот мой избавитель и спаситель! Избавитель от недугов, спаситель от болезней. Изобретенное им лекарство воскресило меня!

— Нет никакого чуда,— сказал я.— Все это придумал я ради спасения не столько тела, сколько души нашего друга. С внушением надо бороться внушением. Давал я ему простое снотворное. Он засыпал, как младенец, и, восстав ото сна, чувствовал себя богатырем.

Сергей Никитич скептически усмехнулся.

— Предположим, доктор, что это было снотворное. А как же показания термометра? У меня ведь с той поры, как я принимаю порошок, ни разу не было повышенной температуры.

И тут я рассказал обществу о своем трюке. Заключался он в том, что, унеся пресловутый градусник мнитика, я заменил его своим, предварительно запаянным в нужном месте. Ртуть в нем могла подниматься лишь до 36,6 градуса.

Сергей Никитич слегка увял, но, почувствовав себя под взглядами гостей смущенно, достал из спецкармана термометр и решительно протянул его мне.

...Волшебный термометр выпросил у меня один из знакомых, ему понадобилось вылечить родственника, заболевшего тяжелой формой мнительности.

ОБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ

Открытие нового клуба явилось праздником для всего города. Призывно сверкали среди розово-раморных колонн рекламные щиты, оформленные в античном стиле артелью «Всякохудожник». Реклама свидетельствовала, что композиторы не остались в стороне: сегодняшний концерт состоял из новых произведений молодых авторов области.

Композитор Ключников, нервно поглядывая на часы, блуждал среди колонн. Рецензент опаздывал.

— Похвалит — не похвалит, провалит — не провалит, — бормотал композитор, отрывая клочки от пригласительного билета. И вдруг, завидев долгожданного рецензента, радостно вскричал: — Полоша! Наконец-то!

Музыкальный критик Таранин с достоинством шествовал по гранитным ступеням. Таранин слыл в городе воплощением объективности и прямоты. Всем коллегам были памяtnы его грозные выступления по поводу первых романсов молодого композитора Снежкина (см. статью «Искусство требует жертв»), восторженный отклик на оперу «От всей души» (см. статью «Объективно думая») и последнее категорическое отмежевание от этой же оперы (см. статью «Думая объективно»).

— Полоша! — продолжал ворковать Ключников, беря критика под локоток. — Уповаю на твою объективность и на нашу старую дружбу. Не дай сгинуть новой симфонии, и так молодежь наступает на пятки... Я тебе лучшие места устроил — середина девятого ряда!

Друзья аккуратно обнялись и тут же скрылись среди розово-стольных колонн.

...В появившейся на следующий день рецензии Таранина концерт был описан, как всегда, изящным слогом.

«...Чуткое ухо объективного ценителя музыки уже в первых тактах улавливает ту основную тему, которая затем в аллегро и скерцо достигает вершин выразительности. Пленительно звучат скрипки. Когда слышишь темпераментное соло на литаврах, получаешь полное представление о тонком вкусе и неустанной работе над собой нашего талантливого Ф. А. Ключникова».

Далее критик анализировал произведения молодых композиторов. Не забывая при случае сделать комплименты своему приятелю, он в ядовитых выражениях разделился с юным Лешиным, выразил сомнение по поводу таланта начинающего Ползунова и одним ударом критической пики выбил из седла двух-трех, как он выразился, «молодых, но чересчур ранних»...

После обеда Таранин явился в редакцию, чтобы собрать, как он говорил, лавровые листья славы. Критик ходил по отделам и спрашивал у коллег мнения о своей рецензии. Разумеется, повсюду подчеркивая свою негибкую прямогу и принципиальность. В кабинете редактора он, правда, держался поскромнее, но тоже не преминул отметить, что именно прямолинейность и бескомпромиссность суждений создали ему похвальную репутацию.

— А что касается молодежи,— заключил Таранин,— я просто призван ее воспитывать в свете и в духе...

— Это конечно,— согласился редактор.— А кстати, какова была слышимость? Вы в каком ряду сидели?

— В девятом,— с достоинством ответил Таранин.— Я и в старом клубе занимал именно места в этом почетном ряду. Разумеется, самая середина...

— Любопытно! — удивился редактор.— Весьма любопытно! А сегодняшний номер нашей газеты вы читали?

— Извините, но, кроме своей статьи, ничего не успел. Был занят творческими исканиями.

— Тогда рекомендую ознакомиться.— И редактор протянул Таранину газету, где по соседству с рецензией была напечатана статья главного архитектора города. Бросался в глаза подчеркнутый красным карандашом следующий абзац:

«...Но новый клуб страдает также и рядом существенных недостатков. Так, например, сидящие в восьмых-девятых рядах партера зрительного зала не могут уловить ни единого звука, раздающегося со сцены. Явление акустического провала — значительный просчет строителей. Его необходимо немедленно устранить...»

— Помилуйте,— вскричал Таранин, заламывая руки.— Вот и пригласительный билетик.. Я же провел в клубе весь вечер!..

— А из буфета вы хоть вылезали? — злоево спросил редактор.

— Вылезал,— упавшим голосом промямлил Таранин.

— Так каково ваше объективное мнение по поводу тамошних разносолов?

ЧЕМПИОН

Даже видавшие виды стены Дворца физкультуры, и те дрогнули, отразив мощное эхо аплодисментов. У болельщиков болели ладони. Участники областных соревнований выскочили из раздевалок и ринулись в зал.

— Что случилось? — спрашивали они на бегу.

— Чемпиона уложили!

Да, произошло неожиданное. Чемпион области, недоуменно озираясь, поднимался с ковра. Судья, затертый восторженными

зрителями, тщетно пытался объявить итог финального единоборства. Но в этом и не было нужды: почти все знали как фамилию победителя, так и другие его анкетные данные.

— Павлуша! Зазноев!

— Молодец, дневное задание по укладке чемпионов выполнил досрочно!..

Словом, восторгу не было предела. Виданное ли дело, чтобы недавний третьеразрядник так эффектно припечатал чемпиона области к ковра? Впрочем, успех Павла Зазноева коллектив спортклуба завода «Борец» расценивал как плод своей общей деятельности. Борцы, по мнению заводских болельщиков, были причислены к лику футболистов. А это, как известно, высшая мера уважения.

Друг Павла, токарь Андрей Бунчук, естественно, радовался успеху Зазноева больше других. Не потому, что лучи зазноевской славы озаряли и его мужественное лицо. Андрей надеялся, что пример этот вдохновит и других членов спортклуба на свершение подвигов.

— Я не против,— согласился Павел.— Равняйтесь на меня, и мы устелем ковер телами поверженных противников!

...После очередной тренировки друзья вышли вместе. В парке веяло свежестью. Со скамьи поднялись двое мужчин.

— Виват чемпиону! — вдохновенно закричал один из них, долговязый и длиннорукий.— Ну, как, продолжим разговорчик?

Павел несколько смущенно поглядел на Андрея.

— Надеюсь, твой товарищ нам не помешает? — вмешался второй, в тенниске, с галстуком «бабочка» на хрупкой шее.— Общественность должна наконец понять...

— Знакомьтесь,— как-то поскучнев, предложил Зазноев.— Это мой друг, тоже борец. Андрей Бунчук.

Лицо долговязого просияло.

— Страшно рад! — закричал он.— Хламов. Городошник. Так сказать, вторая бита города. А это Красюков. Рекордсмен области по крокету. Мы в восторге от встречи! Но ближе к делу. Итак, дорогой Зазноев, вы принимаете предложение?

Красюков, в свою очередь, похлопал Павла по плечу.

— Стать высшей марки? Нет, брат, только в среде истинных ценителей спорта нашего комбината можно расцвести буйным цветом. Мы не дадим вам завянуть у станка.. Оформим вас.. ну, дегустатором патефонной мастерской, и тренируйтесь хоть круглые сутки!

До Бунчука постепенно стал доходить смысл происходящего.

— Павел,— горько сказал он, — дай-ка им разá своей сталью высшей марки. А вы идите, идите, идите. И если я еще когда-нибудь увижу вас возле клуба, придется вам познакомиться с ребятами из секции бокса. Понятно?

...На заводе и в спортколлективе об этом случае немало говорили. Одни превозносили стойкость Зазноева, другие с сомнением покачивали головой. Но больше всех волновался Андрей Бунчук. Он работал недалеко от Павла и настороженно наблюдал за другом. Однажды после бурного объяснения со сменным мастером, сетовавшим на то, что Павел не выполнил срочное задание, Андрей не выдержал.

— Боишься увянуть у станка? — сказал он, взглянув на невзрачный холмик готовых деталей. — По оранжевее тоскуешь?

— Не это главное, — ответил Павел, — моя норма — на ковре. Токарей много, а чемпионов — раз-два, и обчелся... И вообще, если ты друг...

— Я-то друг, — сказал Андрей. — И докажу тебе это!

В ближайшую пятницу в большом зале спортклуба состоялась конференция заводских физкультурников. На сцене, за столом президиума, сидели лучшие спортсмены предприятия. Зазноев, хотя его фамилия и не была упомянута в списке избранных, тоже сел за стол. Когда все утихомирились и строгие контролеры подперли плечами двери с надписью «Запасный выход», на авансцену вышел Андрей.

— Я считаю, — сказал он взволнованно, — что товарищ Зазноев не должен сидеть на почетном месте.

— Что! — угрожающе сказал Павел и поднялся со стула. — Это я, завоевавший заводу такую славу?!

— Зазнаев он, а не Зазноев! — закричал кто-то из задних рядов.

— Ладно, — холодно сказал Павел. — Я сумею найти настоящих друзей. Вы еще пожалеете обо мне...

— Карету мне, карету! — раздался насмешливый голос.

Зазноев, стараясь сохранить достоинство, вышел из зала.

...Отыскался след Зазноева, а Андрей Бунчук, не упуская друга из виду, узнал, что он принят на работу в комбинат бытового обслуживания, носящий почему-то математическое название «Интеграл». Зазноев, токарь шестого разряда, стал сборщиком примусных горелок.

Восторгу его новых коллег не было границ.

— Для вас начинается жизнь, полная радостных эмоций! — сказал рекордсмен по крокету. — Иван Аполлинарьевич ждет вас.

Глава бытового комбината Иван Аполлинарьевич самозабвенно любил спорт. Почти пятьдесят процентов его подопечных — из подразделений «Утюжка на дому», «Ремонт валяной обуви в присутствии заказчика» и «Паяльщик-скоростник» — были бравыми физкультурниками, недавно блиставшими в различных спортобществах. Самолюбивые рекордсмены, экс-чемпионы-индивидуалисты находили в «Интеграле» теплый прием.

Любовь к спорту уживалась у главы комбината с тонким расчетом. Пробеги в годовых отчетах «Интеграла» как-то не замечались на фоне блистательных спортивных имен.

Новая работа показалась Павлу почти идеальной. Отметившись утром в подотделе примусов, чемпион удалялся на тренировку. После тренировки, накинув новенький макинтош и велюровое сомbrero, Павел появлялся на пять минут в «Интеграле», чтобы отметить и затем удалиться по своим делам на все оставшееся до вечера время. Ремонт примусных горелок осуществлял за него старый мастеровой-пенсционер, радовавшийся возможности хоть чем-то быть полезным.

В канун областной спартакиады глава комбината собрал в зале своих подопечных.

— Веселее смотрите, орлы-чемпионы! — начал он напутственную речь. — Кто завоеует призы, будет у меня кататься, как ярославский сыр в вологодском масле. В каком коллективе имеется еще такой букет? Ни в каком коллективе не имеется. Итак, вперед и выше!

Орлы-чемпионы погрузились в автобус, и машина взяла курс на стадион. Следом за ней двинулся грузовичок с рядовыми «интегральцами», освобожденными по случаю спортивных событий от работы. Замыкала шествие автокабета главы комбината.

Спортзал, где происходили схватки борцов, был радиофицирован. Специальный радиокомментатор должен был вести репортаж и с ковра. И вот главный судья вызвал Зазноева. Павел, накинув на плечи цветастый махровый халат, вышел из раздевалки.

— С ним в паре встречается токарь завода «Борец» Андрей Бунчук, — объявили в репродукторах.

— Ого, — пробормотал Зазноев. — Андрей-то ничего об этом не говорил. Ну да ладно, я ему напомним, для чего у борца существуют лопатки...

Прозвучал гонг. Борцы обменялись рукопожатиями, и схватка началась.

— На ковре самая интересная пара дня, — затараторил комментатор, так близко ко рту держа микрофон, что, казалось, он вот-вот запихает его за щеку. — Чемпион области Зазноев темпераментно атакует... Бунчук осторожничает, пытается провести захват... Но Зазноеву удается провести контрприем, борьба переходит в партер. Невероятно! Бунчук наверху, старается сломать мост Зазноева... Неужели Бунчук победит чемпиона?..

Павел почувствовал, что ему не уйти от мощного захвата Бунчука. «Мне нельзя проигрывать... уволят... хотя бы ничью... по очкам...» — мелькает в мыслях у Павла.

— Решающие секунды! — гремит из репродуктора голос ком-

ментатора. — Вы слышите дыхание борцов. Я подношу микрофон к самой кромке ковра...

И вдруг по залу разнесся усиленный мощный динамиком шепот:

— Андрюша, я сегодня не в форме... Давай на ничью... по очкам.

Пораженный комментатор отскакивает от ковра. Молчание. Потом раздается негодующий стон болельщиков. Но взрыв аплодисментов поглощает его: Бунчук уложил Павла на лопатки.

Уже давно прокатилась через парк лавина болельщиков, когда Зазноев вышел из раздевалки. У подъезда его ждали Красюков и Хламов.

— Шеф просил передать, — сказал рекордсмен по крокету, — что завтра вы можете на работу не являться. На ваше место уже берут прыгуна с шестом и без...

Но Павел шагнул мимо «интегральцев», словно они были неодушевленными предметами. И когда Красюков и Хламов, отбежав в сторонку, увидели, с кем встретился Зазноев, то ахнули от изумления. На скамейке поджидал Павла Андрей Бунчук.

ПРЕДМЕТНЫЙ УРОК

В отличие от своего предшественника новый директор отличался тихим голосом и приятностью обращения. И кое-кто из тех сотрудников, кому более других доставалось от прежнего начальства, воспрянули духом. Так, например, завхоз, которому директор сделал замечание за скверное состояние хозяйственного двора, выйдя из кабинета, бодро сказал:

— Тихо-мирно побеседовали, душа радуется! По прежним временам тут крику не оберешься. А сейчас: «Иван Иванович, уважаемый, у вас лужа, говорят, стоит во дворе два года. Прохода нет, любезнейший. Создайте, пожалуйста, проходимые условия, дражайший...» И все в таком, понимаешь, аристократическом духе...

А лужа действительно занимала большую часть хозяйственного двора. Как и когда она появилась, никто уже не помнил. Это было так давно, что все уже к ней привыкли. Все бы в конце концов ничего, но лужа стала увеличиваться бог знает почему — даже без дополнительных дождей — и теперь уже нельзя было пройти по двору без того, чтобы не измерить ее глубину. Откуда-то появились даже лягушки... И когда однажды шутник из ПТУ сунул в лужу камышиную тростинку, никто не удивился, решили, что пора уже водоему обзаводиться собственной растительностью.

Неделю спустя новый директор, проверяя исполнение своего указания, в той же учтивой манере справился о луже.

— Ну как, обуздали стихию?

— Так точно! — с привычной бодростью отрапортовал завхоз. — Пройдете по двору — мизинчик не замочите.

Но, возвращаясь с глиняного карьера, который находился по соседству с хозяйственным двором, директор услышал, как пожилой рабочий, отжимая брюки, клял начальство:

— Туды его растуды! Хоть бы брод наметили и то легче бы стало... Байкал им, видите ли, понадобился под носом!..

Директор, даже не сняв резиновых сапог и брезентовой накидки, направился на хоздвор.

Лужа встретила его радостным кваканьем лягушек. За последнее время вопреки утверждению завхоза ее размеры увеличились. Впрочем, завхоз проявил недюжинную способность бороться со стихией: с берега на берег была перекинута необструганная доска.

Директора заметили. Оповещенный верными людьми, появился завхоз. Директор сам пошел ему навстречу, пошел прямо по луже, с трудом извлекая из илистого дна резиновые сапоги. Дойдя до середины, он остановился у доски, тяжело дыша.

Завхоз побегал, побегал по берегу и, наконец решившись, просеменя по импровизированному мостику до стоящего в воде директора. Он был готов к самым категорическим объяснениям.

— Что же вы шлак не убрали, уважаемый? — корректно спросил директор. — Накопились, простите, целые Хибинские горы.

— А шлак, простите, не по моей части, — в тон отвечал завхоз и льстиво заглянул в директорские очи. — Это комендант виноват. Сейчас мы его покличем. Эй, кто там, кликни Петра Петровича. Скажи, сам директор вызывает!..

Через две минуты тучный комендант стоял на доске рядом с завхозом. Мостик скрипнул и прогнулся. Завхоз с неприязнью оглядел своего соседа.

— Что же вы со шлаком-то, уважаемый? — спросил директор. — Надо его как-то, извините, ликвидировать... А, кстати, почему здесь столько утильсырья? Весь объезд загроможден.

— Это Федя виноват! — хором вскричали завхоз и комендант. — Конечно, Федя. Сейчас мы его, сердешного, позовем. Эй, Федя, ау! Иди, иди, директор зовет.

— Ну что ж, Федя так Федя, — миролюбиво сказал директор. — Посоветуемся и с ним. Пожалуйста, сюда, товарищ Федя. Да, да, по дощечке-с...

Федя с медвежьей ловкостью добрался до середины доски. Раздался треск. Хозяйственное трио побледило.

— Так что вы можете сказать насчет шлага? — невозмутимо продолжал директор. — Будем убирать или оставим как памятник бесхозяйственности?

— Почему памятник? — в некотором испуге сказал Федя, чувствуя, как доска медленно, но верно прогибается все больше. Хозяйственники уже стояли по щиколотку в грязной воде.

— Сейчас наши в лужу сядут! — закричал кто-то из невольных зрителей. — Водоплавающие!

Хозяйственники, цепляясь друг за друга, опустились в воду почти до колен.

— Ну вот и поговорили по душам, — мягко сказал директор. — До новых встреч!

И он бесстрашно зашлепал в своих сапожищах по едва не вылезшему из берегов водному бассейну.

На следующий день хозяйственный двор был сух и чист, как пустыня Каракумы.

РАЗДВОЕНИЕ

Молодой, но уже талантливый артист цирка Михаил Овечкин, известный зрителям под интригующим псевдонимом МИО, без определенной цели бродил по городу. Его не радовали попадавшие на каждом шагу яркие афиши: «Скоро! Новый иллюзион! МИО и его семь с половиной ассистентов!»

Злые языки утверждали, будто под словом «половина» подразумевается супруга иллюзиониста. А на самом деле это был чисто рекламный трюк — он оправдывался тем, что в одном из номеров МИО фигурировала половина «перепиленного» человека.

Но сам Овечкин только горько усмехался и пожимал плечами. Дело в том, что ряд эффектнейших номеров был под угрозой срыва. С участием двух братьев-близнецов Кирилла и Мефодия иллюзионист подготовил несколько аттракционов. Используя абсолютное сходство братьев, он создал номер «Волшебный сундук». Трюк внешне выглядел так. Кирилл залезал в резной ларь, крышка захлопывалась, раздавался оглушительный пистолетный выстрел, и в тот же миг из-за кулис появлялся улыбающийся во всю арену Кирилл. И никому в голову не приходило, что на манеже Мефодий...

С этим аттракционом МИО и прикатил в город, откуда он когда-то вывез братьев. Все предвещало Овечкину большой успех. Но тут случилось непредвиденное: во время перехода улицы Мефодий поскользнулся и вывихнул ногу.

— Месяца два без арены просуществоете, землячок, — сказал хирург. — А потом хоть под купол, на проволоку. Контрамарочку не забудете обеспечить?

После больницы Мефодий залег на квартире своей тетки, предоставив своему шефу, как говорится, полную свободу действий.

Проходя мимо комиссионного магазина, Овечкин задержался у витрины. Он невольно залюбовался небольшим ларцом — хоть сейчас для оформления какого-нибудь волшебного номера... В этот момент артист почувствовал, как к нему в карман ласково и нежно вползает чья-то посторонняя рука. Очевидно, задумчиво уставившийся в витрину гражданин показался вору легкой добычей. Овечкин, обладавший в силу своей профессии особой чувствительностью к движущимся предметам, приметил, что кошелек начал плавный подъем из карманных глубин вверх. Иллюзионист усмехнулся и сделал вид, будто, кроме витрины, его ничего на свете не интересует.

В толстом зеркальном стекле рядом с ним отражался дюжий молодец, невинно смотрящий куда-то вдаль. Вор старательно спрятал добытый кошелек к себе в карман и начал бочком-бочком уходить. Сделав несколько шагов, он опустил руку в свое пальто, и тут лицо его выразило крайнее изумление. Он потоптался на месте, затем вернулся к витрине и внимательно оглядел тротуар.

— Что вы ищете, молодой человек? — вежливо осведомился Овечкин. — Не эту ли вещь?

— Да. То есть нет. Похоже очень. Нельзя, понимаешь, по улице пройти — жуликов развелось...

Разговор приобрел почти дружеский характер, как вдруг был нарушен посторонним вмешательством.

— Ни с места! — раздался повелительный голос. Рядом с Овечкиным, держа карманника за шиворот, стоял голубоглазый юноша с повязкой дружинника на рукаве спортивной куртки.

Дюжий правонарушитель сразу как-то сник, и его массивная фигура приобрела мягкие, обтекаемые очертания. В отделении милиции вор окончательно притих и лишь тарашил глаза на пострадавшего, который подробно рассказывал дежурному обстоятельства дела.

— Почему вы снова вернулись к витрине? — строго допрашивал дежурный.

— Да он у меня пропал из кармана, — с суеверным ужасом поглядывая на кошелек, произнес вор. — Вот этот самый и пропал.

— Чудес не бывает, — тонко подметил дежурный. — Так как же писать в протоколе? Постойте, куда же он девался? Только что был тут.

— В следующий раз будьте внимательнее, — усмехнулся Овечкин и достал из внутреннего кармана протокол. — Вот мои документы.

— Товарищ МИО?! — вставая из-за стола, радостно сказал дежурный. — Извините, я вас сразу не признал. Ну теперь все ясно. А студенту Федосову, дружиннику нашему, мы благодарность выразим. Бдительный паренек!

Карманник захлопал глазами и сказал плаксиво:

— Стоит себе зевака, а разве на нем написано, что он фокусник... Ну и дал я маху!..

...Из отделения Овечкин и Федосов вышли вместе. Дружинник проводил МИО до цирковой гостиницы и очень приглянулся фокуснику.

— Приходите в цирк, — предложил артист. — Прямо ко мне. Увидите много интересного.

На следующий день Овечкин решил провести Мефодия. У ассистентовой тети он был как-то раз, да и то давненько, так что с трудом нашел среди запутанных коридоров нужную квартиру. Близнец лежал на кровати тихий и задумчивый. После разговоров о здоровье, успехах медицины и цирковых новостях Овечкин завздыхал.

— Эх, мне бы хоть на время двойников достать. Пусть даже приблизительно похожих. Ведь гибнет программа... Да ладно, не терзайся, лежи, раз предписали полный покой.

Словно в ответ на указание доктора, за дверью начался шум, а затем стали доноситься громкие голоса спорящих.

— Что это? — удивился Овечкин.

— Эх, — безнадежно махнул рукой Мефодий, — очередная переправка мамы с сыном Сашуней. Ну и скандалист же парень!

— Коммунальные пережитки, — понимающе кивнул головой Овечкин. — Унять, что ли, дебошира? Когда-то я работал и силовые номера.

В коридоре было мрачно. Слабый свет лампочки озарял небольшую баталию: молодой человек в полосатой пижаме говорил пожилой женщине всякие нехорошие слова.

— Нельзя ли чуть потише? — учтиво попросил Овечкин. — Ведь рядом лежит больной.

— Раз больной, пусть в больницу просится, — грубо ответил скандалист. — Тут не приемный покой.

Воспользовавшись паузой, пожилая женщина юркнула в свою комнату. Луч света помог Овечкину разглядеть нарушителя квартирного спокойствия: молодой человек в полосатой пижаме как две капли воды был похож на дружинника Федосова...

— Вы меня не узнаете? — тихо спросил Овечкин.

— Шляются тут всякие, — в том же начатом стиле сказал двойник дружинника и двинулся к себе.

«Нет, конечно, это не Федосов, — отогнал от себя крамольную

мысль иллюзионист, — но какое сходство, а! Двойник! А что, если их обоих привлечь к моему номеру?...

Эта идея сразу же захватила Овечкина. Не теряя времени, он бросился к своему ассистенту.

— Не знаю, выйдет ли толк, — засомневался Мефодий. — Уж больно непокорный парень. Такие симфонические концерты учиняет вместе с мамашей. Хорошо, что дом к сносу предназначен, а то тетушка моя совсем духом пала.

...Овечкин шагал по лестнице почти окрыленный: если бы удалось этих новых двойников уговорить, они вполне бы заменили близнецов в «Волшебном сундуке». Конечно, по характеру они лед и пламень, но в цирке люди срабатываются быстро. Надо сейчас же поговорить с дружинником, он человек отзывчивый — все поймет».

В отделении милиции дежурил знакомый ему офицер.

— А, товарищ МИО! — обрадовался он. — Опять что-нибудь волшебное стряслось?

Иллюзионист рассказал о своей встрече с двойником Федосова, про срыв программы и свою идею.

— Хм, — развел руками дежурный, — вопрос повышенной сложности. Но точно вам скажу: уж наш Федосов обуздает этого дебошира. Впрочем, подождите, он вот-вот появится.

Федосов вошел в помещение, как всегда подтянутый и сдержанный. Однако, увидев иллюзиониста, он почему-то взволновался.

— Что случилось? — спросил он. — Жаловались на кого-нибудь?

— Очень, очень похож! — восторженно вскричал Овечкин. — Двойняшки и только! Можно вас на минуточку?

И, взяв юношу под локоток, артист рассказал все то, о чем недавно поведал дежурному.

— Нет, я лично в цирке работать не собираюсь, — сказал Федосов. — Институт да и дружина — и так времени не остается.

— Ну, хотя бы встретимся все вместе: ваш двойник, вы и я.

— Там видно будет, — уклончиво отвечал Федосов.

Для правильного подхода к открытым им двойникам МИО решил изучить Федосова и двойника-скандалиста сначала порознь. Действительно, эти два человека были полной противоположностью друг другу. Насколько все сокурсники и знакомые хвалили Федосова, настолько все соседи и жильцы дома крыли скандалиста и в хвост и в гриву. А встречи все не получались. Наконец Овечкин пошел к ректору института и рассказал о своем горе.

Ректор рассмеялся при мысли, что студент будет вылезать из сундука, но сказал, что явку Федосова на предстоящее свидание он гарантирует.

Когда Федосов появился у комиссионного магазина — того самого, где произошла его первая встреча с МИО, Овечкин сказал:

— Сейчас мы поедem прямо к этому прототипу и, если его нет дома, будем ждать до победного конца. Я договорился с вашими начальниками и в институте и в милиции — вы в моем распоряжении целые сутки.

Федосов, последнее время вообще ходивший почему-то мрачный, потемнел еще больше.

— Да бросьте вы, товарищ МИО, свои опыты. Я нашел для вас двух ассистентов — ну просто под копирку созданы. Два брата — Кириллом и Мефодием зовут. Адрес их родственницы таков...

— Знаю я их, отлично знаю. Они как раз там временно и живут. Так что все равно нам ехать придется.

— Прощитаеcь,— еще больше помрачнел Федосов.— Их-то двое, а я один...

— То есть как? — ужаснулся Овечкин, и страшное подозрение запало ему в душу.— Как один?

— Да ваш, как вы изволили выразиться, прототип и Федосов одно лицо... А молчал я потому, что стыдно стало. Как в отделении встретил вас тогда... после скандала... испугался. Думал, на меня жаловаться пришли. Ну а потом мучился, прямо раздвоение души происходило... Я думал вам этими братьями помочь, да, видно, не судьба вам со своим сундуком выступать...

— Жаль,— пригорюнился Федосов, и не сразу было понять, жалеет ли он о несостоявшемся номере или о своем открытии в области человеческих душ.— Жаль. Ну, да ладно, вы хоть знаете ваш район? Ну, зону деятельности дружины?

— Более или менее,— отвечал Федосов.— Пожалуй, более.

— Неужели вам никогда не попадались двойняшки среди жителей?

— Найдем вам двойняшек,— обрадовался Федосов.— Слово даю!

— Чье слово?

— Общее!

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВИТОШУ

Мой приятель Динко ложился в постель обычно после солидной порции телевизора, что-нибудь за полночь. Но в канун субботы, непривычно рано удалившись в свою комнату, он объявил:

— Приглушите звуки. Завтра я иду на Витошу!

— О! — уважительно вскричала вся семья Динко.— Завтра он идет на Витошу! Тише, тише...

Приглушив телевизор и бросив на телефонный аппарат подушку потолка и помягче для смягчения звонка, семья с напряжением прислушивалась к голосу своего главы, доносившемуся из комнаты:

— Одеядло здесь... Кеды тоже.. Куртка на месте... Термос? Куда девался термос, я вас спрашиваю?..

Толкая друг друга, все бросились искать термос. Наконец он был найден, и в доме наступила тишь.

Рано утром, приторочив к плечам рюкзак вещеизмещением примерно в две тонны, Динко отправился в поход. Он вышел на Христовую улицу, где располагалась остановка троллейбуса, довозившая пассажиров до подножия горы. Тут уже толпились нетерпеливые восходители.

— На Витошу!.. Вперед и выше! — то и дело слышались подбадривающие восклицания.

Появился троллейбус. Трудно себе представить ярость горновосходителей, с какой они осаждали салон, чтобы провести в кресле несколько путевых минут. Наконец троллейбус, кренясь на поворотах под тяжестью груза, добрался до подошвы Витоши. Пора было начинать восхождение. Но оказалось, что здесь альпинистов ждет рейсовый автобус. Натужно урча, он двинулся по терренкуру, увозя первую партию отважных путешественников. Из открытых окон до оставшихся на остановке доносилась песня бравых восходителей:

— Витоша, Витоша, какая ты хорошая!..

Где-то на полпути к вершине пришлось все-таки вылезти из комфортабельного автобуса — предстояла пересадка. На этот раз в вагончики фуникулера. Путники и здесь не потеряли своего боевого запала — песня зазвучала еще темпераментнее.

Когда до пика оставалось не больше сотни метров, вагончики притормозили. Обстановка располагала к самостоятельным действиям. Вокруг раскинули свои шатры продавцы оранжада и пепси-колы, из трубы охотничьей избушки вился дымок, в котором угадывались свежееизготовленные кебабчата, в небольшом бассейне стыли арбузы.

Но разве истинный горновосходитель отзовется на эти соблазны? Это удел дилетантов. И Динко, подкрепившись домашними бутербродами и испив из бассейна зеленоватой водицы, двинулся вперед осаждать вершину.

Это были нелегкие метры, доложу я вам! Рюкзак вещеизмещением примерно в две тонны тянул Динко назад, к кебабчатам. Бутерброды отягощали желудок и намекали, что не худо бы воспользоваться услугами пристройки к охотничьей избушке. Но он шел и шел, опираясь на альпеншток и мурлыча полюбившуюся песню:

— Вито́ша, Вито́ша, какая ты хорошая...

И вот она, желанная вершина! Победа, черт возьми, победа! Внизу простиралась красавица София, где-то в дымке виднелся родной дом, в котором растревоженная семья с нетерпением ожидала триумфатора к обеду, а под кроватью тосковали домашние туфли...

Путь назад был более скор и прост: фуникулер, автобус, троллейбус. Динко с облегчением вздохнул, завидев у ворот супругу и детей, молитвенно вздевавших руки:

— О! Он одолел Витошу!

ЖАЖДА СЛАВЫ

Приятель Одиссеева, узнав, что тот устроился на работу в парк культуры и отдыха, не без зависти сказал:

— Это, брат, богова работа!

На самом деле в слове БОГ ничего божественного не было. Так сокращенно называлось Бюро обслуживания гуляющих.

Новый завбог был человеком с богатым административным прошлым. Его жаждающая славы душа не ведала покоя. Одиссеев полтал, что только известность — залог жизненного успеха. Но слава, шумная, манимая, то и дело проходила мимо Одиссеева. То его изгоняли из «Пищестройрекламы» как саморекламщика, то выдворяли из издательства «Первопечатник» за попытку выпустить брошюру о самом себе, то освобождали от ведущего поста в фотокомбинате «Монументалист — моменталист» за то, что он заполнил витрины фотоателье автопортретами размером 36 на 48...

Став завбогом, Одиссеев вновь стал изыскивать возможности обессмертить свою фамилию.

— За свою жизнь я разжег сотню очагов культуры! — заявил он парковым массовикам и культорганизаторам. — Предыдущие ваши руководители мало заботились о популяризации нашей деятельности. Я подниму аттракцион «Летающие люди» до уровня парашютной вышки. Я заставлю перейти карусельщиков на повышенное число оборотов. Сейчас, по имеющимся у меня сведениям, аттракцион «Мертвая петля» влачит жалкое существование. Я добьюсь, что посетитель сам полезет в «Петлю»...

— Действительно, — согласились массовики, — пора внести в отдых свежую струю. А то двадцать пять лет назад кем-то был утвержден список рекомендуемых аттракционов. Вон, поглядите, в больших городах столько напридумано — пальчики оближешь.

— Пальчики не надо, — брезгливо заметил Одиссеев, — а вот насчет двадцатипятилетия стоит подумать. Кто это сказал? Вы это сказали? А какие аттракционы самые древние?

— Карусель и качели. Но они, так сказать, фольклорного происхождения. Трудно установить дату. А вот комнате смеха, это уж точно, четверть века.

— Фольклорного происхождения не надо,— задумчиво молвил завбог. — Но вот комната смеха, гм, в этом что-то есть...

Через несколько дней торжественно улыбающийся завбог вел через массовое поле небольшую группу необычных посетителей. Тут были двое работников культотдела райисполкома и корреспонденты местной газеты.

— Обратите внимание на знаменательную дату,— пояснял Одиссеев. — Четверть века бессменной работы на ниве культурных развлечений! Пожалуйте в эту цитадель.

И посетителей ввели в загончик, уставленный зеркалами. Впрочем, сами зеркала были заботливо прикрыты плакатиками в художественном исполнении (недаром Одиссеев некогда трудился в «Пищестройрекламе!»): «Усилим борьбу за веселое отражение!», «В здоровом теле — здоровый смех!», «Хорошо смеется тот, кто смеется у нас!» — и все в таком же духе.

— Ничего не понимаю,— развел руками один из корреспондентов. — Что здесь происходит?

— Юбилей! — пояснил завбог. — Но пришлось на время принять профилактические меры, чтобы во время интервью со мной не раздавался неуместный смех и тому подобное хихиканье... Итак, товарищи, перед вами аттракцион, которому исполнилось двадцать пять лет. Прошу заметить, что я первый проявил инициативу в деле отражения этой даты.

— Вы это серьезно? — спросил работник исполкома.

— А вы что, не знаете, что смех — дело серьезное? Еще какой-то классик говорил... И это, позвольте заметить, первая юбилейная ласточка. На днях организуем — так и напишите в газете — юбилей силомера. При участии посетителей парка.

Присутствующие неожиданно засмеялись. Одиссеев оглядел себя и с недоумением спросил:

— В чем дело? Почему смех? Может, я отразился, где не положено?

Гости, приговаривая: «Отразились, отразились!» — и, не переставая смеяться, покинули загончик. Разгневанный Одиссеев набросился на хранилище зеркал.

— Это вы все испортили! Я понял, почему они хохотали. Почему вы не закрыли это зеркало? Из-за него я выглядел смешным. Я вас переведу в тир с материальной ответственностью за призы!

И завбог взглянул в ничем не прикрытое зеркало, одиноко висящее в простенке. На Одиссеева смотрела оттуда толстая напыщенная физиономия, заплывшие глазки метали молнии...

— Интриги! — закричал завбог. — Я этого так не оставлю.
— И чего вы волнуетесь? — сказала смотрительница. — Ведь это обыкновенное зеркало. Нечего на него-то пенять...

ТРОЙНЯШКИ

На открывающуюся выставку художественной фотографии наибольшее количество работ представил фотокорреспондент Хромпиков. И, естественно, что многие мастера объектива завидовали его работоспособности.

— Что такое количество по сравнению с качеством? — скептически вопрошал старый соперник Хромпикова — фотожанрист Сизопанов.

Сам Сизопанов подготовил к выставке всего два снимка: «Детский сад на рыбной ловле» и «Мастера искусств за преферансом». Обе работы, кстати говоря, были единогласно отвергнуты отборочной комиссией. Это лишь усилило старую неприязнь фотожанриста к конкуренту.

— Нет, нельзя доверять человеку, — твердил он членам комиссии, — который присылает полное собрание своих негативов. Это же типичное фотографоманство!

Но качество снимков Хромпикова оказалось тоже на высоте: больше половины его работ было принято. Отборочная комиссия уже заканчивала заседание, когда в комнату ворвался Сизопанов. Размахивая пакетом, он подбежал к председателю.

— Вот! — метнув снимки на стол, сказал Сизопанов вещим голосом. — Я поймал Хромпикова. Он типичный инсценировщик! Обратил внимание на подозрительное совпадение: один и тот же типаж изображен в костюме охотницы рядом с плененным тигром в уссурийской тайге, затем в спецодежде электросварщицы на фоне строящегося гидроузла и, наконец, в аудитории московского механического института... А подписи — вы только прочтите! «Первый тигр» — героиня дипломатично не названа. Электросварщица носит имя Лены Калашниковой. А московская студентка Одинцова, как вы можете убедиться, то же самое лицо!

— Может, это тройняшки? — предположил председатель комиссии. — Уникальная, выходит, ситуация. Заслуживает внимания.

— Не внимания заслуживает, а приговождения к позорному столбу, — не унимался Сизопанов. — Тройняшки! Ларчик, извините, открывается просто. Хромпиков вопреки условиям выставки не утруждает себя подбором типажей, он предпочитает снимать в разных видах какую-то свою хорошую знакомую, а может быть, и родственницу. Он вводит общественность в заблуждение. Вот она, его хваленая документальность.

— Но до сих пор Хромпиков не был замечен в подстановках, — продолжал сомневаться председатель. — Впрочем, надо будет дать ему телеграмму, пусть объяснится...

Через день в адрес выставки пришла ответная депеша от Е. М. Одинцовой, студентки механического института.

«Мне звонил товарищ Хромпиков, он сейчас где-то в районе Белого моря, и просил помочь вам разобраться в истории с тремя портретами. Что здесь вы нашли необычного? Полтора года назад я жила в Уссурийске, на своей родине. Много охотилась: наша семья — потомственные таежники. В тот день, когда я с помощью деда поймала тигра, приезжавший к нам корреспондент заснял меня... Вскоре осуществилась моя заветная мечта: меня зачислили на курсы электросварщиц гидроузла. Я уехала из Уссурийска. На стройке произошла моя вторая встреча с товарищем Хромпиковым... Далее я вместе с мужем, техником Одинцовым, поехала держать экзамены в институт. Мы оба стали студентами одного факультета...».

Еще через день самому председателю позвонил Хромпиков и извиняющимся голосом пояснил:

— Целиком признаю свою вину — забыл прислать общий текст ко всем фотографиям Лены Одинцовой. Впрочем, не надо удивляться тому, как нынче складываются биографии молодых людей... Дивиться надо, пожалуй, больше тому, что выставки фоторабот организуются раз в два года, а то и реже...

НЕ ФИНТИТЕ С НЕФЕРТИТИ

Едва над стовратными Фивами спустилась ночь, как у дворца Аенхотепа IV, последнего фараона восемнадцатой династии (1205 год до нашей эры), появились двое запеленутых в плащи путников. Под леденящий душу хохот привратной совы их провели в покои властителя Египта.

— Известный жрец правосудия Шерлокхемми? — спросил фараон, деловито перебирая волоски своей умащенной благовониями бородки.

— Он самый, — лаконично ответил один из пришельцев. — Позвольте представить моего верного помощника Тутанватсона.

— Хау ду ю ду! — буркнул фараон. — Но не будем терять драгоценного государственного времени. Я получил подметный папирус о том, что полководец Хоремхеб хочет узурпировать власть в стовратных Фивах. Надо вырвать у него признание. Мне рекомендовали вас как толкового жреца, напичканного сведениями из исторических романов Георгия Стулия и детективов братьев Дизайнеров.

— Да уж что есть, то есть,—несколько самодовольно произнес Шерлокхотти.— Небольшой психологический подкуп, и он расколется как миленкий.— И добавил свою любимую поговорку: — Не финтите с Нефертити!

Полночь застала путников в комнате Хоремхета. Отперев отмычкой двери, жрец правосудия начал без обиняков:

— Я знаю все, о, луноликий и слабомудрый! На вас голубые подвязки...

— О, мой Ра! — вскричал полководец, ища дрожащей рукой что-нибудь потяжелее.

— Я все ведаю,— продолжал Шерлокхотти.— На вас розовые подштанники...

Полководец рухнул на тисовый пол.

— Да, я вижу, ты знаешь все... Да, я замешан в заговоре... Но пощади!..

Жрец правосудия был неумолим.

— Констебль,— сказал он бесстрастно,— то бишь, Тутанватсон. Исполняйте свой долг.

На запястьях у экс-полководца щелкнули новенькие эбеновые наручники. Шерлокхотти хлопнул в ладоши — два стражника выскочили из засады и увели несостоявшегося узурпатора. Так был предотвращен заговор, который, согласно расшифрованным недавно иероглифам, угрожал благополучию восемнадцатой династии (1205 год до нашей эры).

...На утро, подкинув охапку сучьев в жертвенный камин, помощник жреца правосудия спросил у своего патрона:

— Учитель! От вашего дедуктивного взгляда не укроется и самая малость. И Хоремхет это понял сразу. Но скажите, откуда вы узнали, какого цвета у него подтяжки?

Шерлокхотти меланхолично прошелся гибкими пальцами по струнам систры. Потом, поразмыслив слегка, меланхолично ответил:

— Истинный аналитик, наблюдая обыкновенную лужу, может представить, как выглядит отец-Нил... А, кроме того, разве вы не заметили, что в момент ареста Хоремхет был без штанов?! — И добавил свою любимую поговорку: — Не финтите с Нефертити!

ДЕФИЦИТ В ГОРОДЕ Н.

Наверное, это был самый неудачный день в городе Н.

...Рано утром истекал срок эксперимента, при помощи которого профессор химии Лавуазьян собирался совершить переворот в пищевой промышленности. На стойке под вытяжным колпаком торчали пробирки с субстанциями типа «ИБ» — искусственный белок и цианистый калий. От удачного подбора и

подогрева смеси зависел рецепт приготовления миндального печенья, не уступающий мировым стандартам.

Но как ни старался профессор химии Лавуазьян всем своим видом опровергнуть привычное представление о рассеянности ученых, традиция взяла верх.

— Так. Спиртовка тут, белок там, циан здесь... Стойте слева, проходите справа!.. О, большая химия! Я опять не достал.....

Переворот в пищевкусовой промышленности не состоялся.

...Весь день сержант милиции Барабаш обдумывал срочное задание. За последнее время он, не выходя из кабинета, путем логического анализа и синтеза угадал имена шести правонарушителей и едва не побил рекорд областного отдела. Сержант сделал бы гораздо больше, но почти все преступники в испуге покинули город. Почти все, кроме самого увертливого. И вот его имя сержант должен был установить.

Как всякий молодой следователь, Барабаш стремился походить на Мегрэ. Перед тем как делать окончательный вывод, он долго играл на ксилофоне, составленном из стреляных гильз, пустых банок из-под маринада и прочих вещественных доказательств. А затем, конечно же, затягивался трубкой из вереска. Это помогало безотказно.

Так и сегодня. Он с полчаса помузицировал, а потом взялся за любимую трубку. Однако сколько ни тужился сержант, метод логического анализа и синтеза не срабатывал.

— Туды его в Сименона! — негодуяще вскричал сержант, — Я снова не раздобыл.....

...Дрессировщик Угрюмов возвращался из цирка вконец расстроенный. Коронный номер, который он три года отработывал с уссурийскими тиграми, сегодня едва не провалился. Обычно после того, как звери, рыча и скалясь, напрыгаются с тумбы на тумбу, им предлагалось еще сигануть сквозь пылающее кольцо. Этим достигался основной воспитательный эффект. Тигры окончательно понимали, что рыпаться нечего: человек, который держит в руках огонь, является властителем судеб.

Но в этот вечер тигры отнеслись к трюку наплевательски. Один из них презрительно обнюхал кольцо, а второй, видимо, так был разочарован в могуществе человека, что пытался куснуть дрессировщика за ухо. Было больно и обидно.

Угрюмов молча брел по вечерним улицам города, силясь понять истоки этого непокорства. И вдруг его осенило:

— А все потому, что я не запасаю.....

...Ночью в кабинете начальника торгового раздался телефонный звонок. Начальник поднял трубку и, услышав угрожающие голоса, поднял клятвенно два пальца кверху.

— Принимаем меры. Завтра завезем две тонны спичек.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ МОНОЛОГИ	
Морской натюрморт	2
Жизненные вехи	4
Исполняющий обязанности	5
День рождения	6
Сегодня мы чествуем	9
Пенкосниматели	10
МАЛАЯ ДРАМАТУРГИЯ	
Многоскоки	12
Дела семейные	14
Вверх-вниз	15
ГОЛУБЫЕ РАССКАЗЫ	
Будьте уверены!	19
Развернутая автобиография	22
Мнитик	23
Объективное мнение	27
Чемпион	28
Предметный урок	32
Раздвоение	35
Восхождение на Витошу	39
Жажда славы	41
Тройняшки	44
Не финтите с Нефертити	45
Дефицит в городе Н.	46

ЯН АЗАРОВИЧ ПОЛИЩУК

МОРСКОЙ НАТЮРМОРТ

Редактор Э. И. Полянский.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 22.09.80 г. Подписано к печати 19.12.80 г.
А06731. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ.
л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,88. Тираж 75 000. Изд. № 2791.
Заказ № 3070. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва. А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 72996